

БЛОКАДА ЛЕНИНГРАДА: СВИДЕТЕЛЬСТВА ОЧЕВИДЦА

Почему нет правды о блокаде?

Д.С. Лихачев. По двум причинам нет правды о блокаде. Первая причина — то, что наши отцы города терпеть не могли рассказов о блокаде, потому что чувствовали свою вину. Понимаете, неправильное распределение... Приезжает первый самолет в <осажденный> Ленинград — и из него вываливаются — вместо хлеба — ящики с орденами и медалями: награждать героев, а хлеб нужен людям. Там масса было во время блокады таких ошибок сделано. А потом — число погибших. Число погибших — 600 тысяч якобы — страшно отстаивал заведующий снабжением Ленинграда. Он чувствовал как бы свою вину. На его совести — сколько погибло. А на самом деле... Жуков в своих воспоминаниях пишет — миллион. Вот тут-то этот заведующий, живя в Москве, поднял страшный скандал, он стал уверять, что шестьсот тысяч. А 600 тысяч — только на Пискаревском кладбище. Но еще 600 тысяч — на Серафимовском кладбище, 600 тысяч — на Богословском кладбище, и на Волковом кладбище еще и так далее. У меня есть запись, сколько погибло, по словам Петрова. Петров — это специалист-онколог, профессор, он входил в санитарную комиссию по Ленинграду. И в августе месяце 1942 года официальное число погибших (т. е. задокументировано) — было 1 млн. 200 тысяч человек. И это сказал Петров Владиславу Михайловичу Глинке, который врать не будет. Но это не то число, которое погибло. Потому что в Ленинград сбежалось огромное число людей из пригородов, из Новгорода, из Пскова, из Гдова, из Луги, и так далее. Ведь куда бежали — бежали в Ленинград.

З.А. Лихачева. И умирали первыми.

Д.С. Лихачев. Они умирали в первую очередь, и у них не было документов, они не были зарегистрированы. И день, и ночь их сжигали — там, где был кирпичный завод и где сейчас находится парк Победы¹. Он <завод> сейчас разрушен. И труба этого кирпичного завода дымила день и ночь — это сжигались трупы людей...

О судьбе музеев в блокадном Ленинграде

— *Что было в квартире Пушкина на Мойке, 12 во время войны?*

Д.С. Лихачев. Там ничего не было. Всё вывезли в Пушкинский Дом.

— *А говорят, во время блокады машин не было...*

Д.С. Лихачев. Нет, машины ловили — это в самом начале войны было... Там, знаете, еще что произошло... Когда из Пушкинской квартиры вывозили диван², там по бокам были ящики — скрытые ящики. И в них сложили очень важные вещи — какие-то письменные документы. И потом их не могли найти, считали, что они пропали. И только случайно открыли и увидели. А как их туда складывали, я помнил, но я не догадался об этом сказать, и они уже искали без меня, мне не говоря.

Когда немцы начали наступать, то была еще Пушкинская выставка в Екатерининском дворце <Царского Села>. И вот — я же молодой человек был — меня повезли на грузовике в Пушкин, и мы вывозили Пушкинскую выставку из Екатерининского дворца, с первого этажа. Я помню, что мы снимали какие-то вещи со стен, какие-то акварели, которые там были, какие-то гравюры... Свозили всё в Пушкинский Дом. А через два дня немцы заняли Пушкин... И мы же этого не знали, потому что в сводках значилось, что бои идут под Псковом, а на самом деле они шли уже за Лугой. И немцы прошли между Павловском и Пушкиным и отрезали сразу Пушкин

¹ На Московском проспекте.

² Диван из квартиры Пушкина на Мойке, 12 перевозил в Пушкинский Дом сам Дмитрий Сергеевич.

от Ленинграда. И, скажем, у Анцыферова дочь осталась в Пушкине, а сам он оказался в Ленинграде...

— А заранее вывозилось что-то из пригородных дворцов-музеев?

Д.С. Лихачев. Нет. Павловск немножко вывозили, причем частично в квартиры начальников (это нам наша нянька говорила). В современном Коттедже <в Петергофе> — там <после войны> в комиссионном магазине купили сервиз с девизом Коттеджа. Значит, кому-то он достался при вывозке, кто его потом продал. Половина этого сервиза сейчас стоит — украшает Коттедж. Там накрыт стол в столовой и <сервиз> с этими вензелями, так что это, несомненно, из Коттеджа... Вообще места музеев нельзя менять. Так же как нельзя менять инвентарные номера. В этот момент происходят кражи и пропажи.

— Ленинград был в таком жутком положении...

Д.С. Лихачев. И одновременно шли кражи...

— И все-таки многое сохранилось...

Д.С. Лихачев. Видите ли, немцы — народ экономный. Они бомбили, когда были далеко от Ленинграда. Мы спускались в первый этаж тогда, там женщина одна уступила комнату, мы там ночевали, в этой комнате, хотя нас там так же могло засыпать, как и на пятом этаже. Но когда немцы подошли совсем к Ленинграду, им не было смысла бомбить. Они ждали, что люди все вымрут (по-видимому, мне так кажется) — и они войдут в Ленинград... Они обстреливали из мелкой артиллерии, поэтому страшное количество было уничтожено крыш, и главным образом, надо было восстанавливать крыши... Стреляли с Пулковской горы по людям, по остановкам стреляли в часы окончания занятий, работы...

О «Блокадной книге»

Д. Гранина и А. Адамовича

Д.С. Лихачев. Было две редакции воспоминаний <Г.А.> Князева¹. Одна редакция дневника, который он

¹ Директор Архива АН СССР.

вел от руки, на квартире, живя на 5-й линии, там, в своем доме. А другая — та, которую он создал после блокады. После войны он все переписал и перепечатал на машинке. Причем вставил туда патриотические фразы, которых в дневнике не могло быть. Он мог быть патриотом каким угодно, но чтобы в дневник свой вносить патриотизм, что «мы победим непременно» — это неестественно, понимаете? И вот этой-то последней редакцией воспользовались Гранин с Адамовичем. А первую редакцию, подлинную, где было гораздо больше ужасов (позже он все это вычеркнул) Д. Гранин не знал. Эта редакция — в архиве Академии наук. Там обе редакции есть, и первая, и вторая <...>

Д.С. Лихачев. После блокады мы стали записывать вдвоем. Зинаида Александровна записывала цены, за сколько мы продавали наши вещи, и как она стояла в очередях...

З.А. Лихачева. Когда мы отсюда вырвались, мы считали, что мы не вернемся, и мы продавали всё, что у нас было. И когда мы вернулись, у нас не было ни мебели, ничего, мы все продали.

Д.С. Лихачев. Сколько дадут — 200 граммов хлеба — пожалуйста, за 200 граммов...

З.А. Лихачева. Почему мы сохранились — потому, что я все время стояла в очередях. И все карточки у нас были отоварены, а многие ленинградцы — вот, пишет Гранин в своей книге о блокаде — там этот мальчик Юра. Когда он приходил, уже ничего не было, всё уже разобрали. А я вставала ночью, и стояла в очередях, чтобы получить продукты. Вот так.

*О ленинградской блокаде: Из неопубликованной
беседы с Д.С. и З.А. Лихачевыми //
Русское возрождение. 2000. № ½. С. 304—308*

